

А скоро Енисейск! Самый любимый мой и самый желанный ныне городишко! Что меня влечёт к нему? Зачем? Не знаю. Это вроде как моя любовь к матери — обыкновенной крестьянке, но с такой трагической и пространственной судьбой, что вроде бы уж в Космос прорастает, судьбой, которую и Шекспиру бы не постичь.

Виктор Астафьев. Из письма жене 22.06.1979

Время неумолимо быстротечно. Нынче вот уже шестнадцать лет, как не стало с нами Виктора Петровича Астафьева. Но, как ни парадоксально, для меня не существует границ времени. Всё, что связано было десятилетней дружбой с Виктором Петровичем, было как будто вчера. И живу я в реалиях сегодняшнего дня. С нетерпением жду весну, когда снова сломя голову на целый месяц помчусь в Овсянку, где меня с нетерпением ждёт мой друг и наставник Виктор Петрович: и по утрам немудрящую кашу будем вместе варить; и он будет с усмешкой подтрунивать надо мной, над моей деревенской неловкостью; и, затаившись от властей под кустом кудрявой калины, с нетерпением будем ожидать очередную разорительницу-ворону, которая поджидает прилетевшего с тёплых краёв скворца, обихаживающего свой «дом»; и на вечерней заре пойдём на Енисей; к бабе Ане (Потылицыной А. К.— А. Б.) зайдём на сдобные пироги; и в библиотеку заглянем. А уж вечером, в тишине и покое, займёмся каждый своим делом. И уже ближе к полуночи Виктор Петрович включит свой старенький телевизор, чтобы посмотреть очередной футбольный матч. А я, намаявшись за день, к стыду своему, буду рядом сидеть на диване, посапывая, дремать. И уже далеко за полночь толкнёт меня осторожно Виктор Петрович и просто скажет: «Укладывайся». Спросонья, не понимая, где я, заморгаю глазами и уж когда соображу, то спрошу, кивнув на телевизор: «Ну что там?» Виктор Петрович, отмахнувшись, зашаркает мягкими тапочками по половикам, на ходу разочарованно бросив: «Продули... Опять продули...»

А утром чуть свет я поднимусь и займусь в усадьбе писателя хозяйственными делами. Только ближе к полудню он вывалится из «избушки», так называл он свой домик в Овсянке, улыбнётся и удивленно воскликнет: «Ого! Герой Труда дрыхнет, а желанный гость уж пол-огорода вспахал. Да на тебя земли не напасёшься», — и довольно засмеётся.

И всё это у меня перед глазами, наяву. Нет, не вчера это происходило, а вновь будет этой весной, там, в Овсянке. Но только в памяти. А придёт она, долгожданная весна эта,— разочарование за пустое ожидание и рухнувшие надежды постигнут меня. И вновь к сердцу подступит та неисцелимая боль, когда в Енисейске я услышал о страшной беде и мчался на машине в Академгородок.

И вот, живя в Енисейске, я слышу голос его. Нет, не в Красноярске, не в других городах нашей необъятной Родины, а здесь, в Енисейске. Этот город, и даже не город, а городок, дорог мне с детства. Ещё Сергей Залыгин в своё время писал о Енисейске так: «О Енисейске нельзя сказать, что он похож на большую деревню,— это город, нельзя даже сказать „городок“. Нет, это небольшой, но город. И школа в нём каменная, красивая, городская».

Этот сибирский городок, оказавшийся с годами не востребовавшимся великой державой, стоит на левом берегу Енисея, тихий теперь, вчера с большинством полуразрушенных, а сегодня восстанавливаемых храмов, и своей красотой и величием не вызывает к покорению инородцев, не призывает отважных первопроходцев «идти встреч солнцу». Всё это минуло, ушло в небытие. Он всё такой же скромный, вроде незаметный среди гигантов-городов, но он так же мил и заманчив для приезжающих гостей. Ну а для нас, коренных енисейцев, дорогой и родной.

Вот и великий писатель современности Виктор Петрович Астафьев полюбил его с детства. С тех пор, когда его мальчишкой везли на барже на суровый Север, в Игарку. С тех пор он ему запомнился на всю жизнь. Он всегда тосковал о нём. В Енисейске начинали снимать фильм по его произведению «Где-то гремит война». А после переезда из Вологды в Красноярск он был частым гостем у нас. Особенно в последние годы, когда мы подружились.

Мне дорога первая встреча в Енисейске с Виктором Петровичем. И помнится тот день, когда почти случайно я познакомился с ним в своём родном городе. Конечно, в первые минуты общения я чувствовал себя неловко. Стыдился поддерживать разговор о литературе, подбирая с трудом слова, нелепо отвечал на задаваемые мне конкретные вопросы. Я знал, что перед мной сидит человек особенный, необыкновенный, не такой, как я, как другие. До встречи с ним я представлял, что Астафьев высокомерен, обременённый мировой славой, и смотрит на всех свысока, говорит высокопарными словами, что ему неинтересны наши мирские, житейские дела. И, несмотря на

народный характер его книг, в которых он раскрывает красоту простого человека, я был убеждён, что именно таким должен быть Астафьев, потому что слава кружит людям голову. Но каково было моё удивление, когда перед собой увидел обыкновенного человека, в обыкновенной простой рубашке, без галстука, говорившего не наставительно-витиеватыми фразами, а просто и понятно, нашим «деревенским» языком. Он со свойственной ему простотой расспрашивал меня о житье-бытье, рыбалке, охоте, урожае грибов, ягод в тайге.

Уже позже я узнал, что Виктор Петрович был и охотником, и мастером рыбной ловли, и подлинным природолюбом. Его повесть «Царь-рыба» и многие рассказы вошли в хрестоматию по экологии и охране природы. Писатель давно был верным другом альманаха «Охотничьи просторы», где публиковались такие известные его произведения, как «Улыбка волчицы», «Лес Аденуэра» и ряд других, а в 1996 году он специально для альманаха написал проникновенно-лирические воспоминания «Разговор со старым ружьём», вызвавшие особый интерес читателей.

Писатель на протяжении многих лет сотрудничал с детским журналом о природе для семейного чтения «Муравейник».

Бывая в Енисейске, он делился с друзьями сокровенными мыслями, строил планы на будущее, ездил на рыбалку, в тайгу. Он шесть раз бывал на реке Сым, которую воспел в своих произведениях. Весной летали мы с ним на вертолёте на реку Сочур, а затем и на Кию.

В одной из последних «затесей» «На сон грядущий» Виктор Петрович признаётся:

«Что же самое хорошее было в моей жизни? Лес, тайга, бесчисленные хождения по ней. Конечно же, с ружьём. Я был плохой стрелок, и меня „кормили“ ноги. Чтобы что-то добыть, я должен был много, много бродить по тайге. После войны я „боялся“ большой крови, и самым сподручным зверем был для меня рябчик, редко тетеря и ещё реже утка.

Я стеснялся неуклюжести в стрельбе с левого плеча (зрение правого глаза я потерял на войне) и потому предпочитал бродить по тайге один. Там, в тайге, и сочинительствовать начал. Уж очень много видел и пережил в тайге такого, о чём хотелось поведать другим людям, раз они этого видеть и пережить не могут».

Или в этой же «затеси»: «Я люблю весну с босоногого детства, с игр в бабки, в лапту на поляне, но вспоминается чаще и

щемливей в сердце всё же осень с её пёстрым празднеством и грустным расставанием с летом и теплом».

Известно, что Виктор Петрович всегда был душой любой компании. Но, очутившись в тайге, он уединение любил. В такие минуты он расслаблялся и, будто сбросив с натруженных плеч непосильный груз мирской суеты, с головой уходил в мир природы, внимая её неповторимую потаённую жизнь. Здесь у великого писателя рождались новые замыслы рассказов, «затесей», повестей. В тайге же, на реке Сым, с удочкой в руке, он радостно воскликнул:

— Есть роман!

Здесь же он и поделился с В. Н. Сидоркиным о замысле книги о войне «Прокляты и убиты».

Одним из замечательных качеств Виктора Петровича Астафьева было то, что он высоко ценил настоящую мужскую дружбу, которая держалась на полном доверии и уважении друг к другу. Мне он как-то сказал:

— Видишь, Алёша, сколько ко мне народа ходит, а настоящих друзей у меня мало. Один из них ты.

Для меня такое признание, конечно, было неожиданно. Я и теперь горжусь, что в своё время писатель поставил меня в один ряд со своими надёжными друзьями.

К тому же Виктор Петрович уважал и ценил труд таёжника и людей этой древней профессии, считая их чистыми душой и добрыми сердцем. Ведь в то время и я был просто промысловым охотником. И Виктор Петрович своим друзьям и знакомым поначалу с гордостью представлял меня так: «Алёша из Енисейска. Охотник...» А чуть позже Виктор Петрович напишет предисловие к моей первой книжке «Мужская трава», в которой достоверно расскажет о нелёгком труде таёжника:

«Почти во всех охотничьих избушках находил я то небрежно брошенную на стол, то тщательно спрятанную тетрадь — что-то вроде календаря, который часто переступает свои скупые страницы и превращается в дневник, собеседником охотника становится ученическая тетрадка — собеседник нужен всякому человеку, необходим он и охотнику. Много ли с собаками наговоришь?

Ах, сколько наблюдений, одиноких гум, иной раз неуклюжими, но искренними стихами или в виде песни изложенных, в тетрадках одинокого промысловика!

„Россыпью зёрен“ называю я эти нехитрые творения, занесённые в тетради, из которых проросло не одно стихотворение в мировой и прежде всего в русской литературе.

Алексей Бондаренко эти „россыпи зёрен“ проращивает в виде коротких этюдов, рассказов, зарисовок. Я давно их читаю и вижу, что год от года слух и глаз охотника становятся приметливей и острей, перо — тоньше. Впрочем, я не хочу навязывать вам, дорогой читатель, своих оценок — я ведь не продаю и не покупаю товар, я всего лишь предлагаю побыть вместе с охотником в приенисейской дивной тайге, подышать лесным воздухом, порадоваться, иногда погрузиться, поучиться таёжному уменью; опыту, которые никогда не лишни, но особенно нужны, когда оказываешься один в тайге, да ещё в бегу попадёшь».

Осталась незабываемой для меня одна из поездок с Виктором Петровичем на реку Сочур.

Зимовье на реке Сочур некорыстное, обветшалое, потолок из жердей, земляной пол и полуслепое оконце на восток. Нары вдоль противоположных стен сколочены тоже из сухих жердей, меж ними небольшой столик, и в углу железная печурка. Брёвна без паза, и кое-где через стены зимовья проникает дневной свет — птицы и мыши постарались. Зимовье когда-то было построено лесоустроителями на высоком берегу реки. Лесоустроители сделали своё дело, отработали положенный срок и удалились восвояси с диких берегов. Многие годы так и стояло зимовье без пригляда, обветшало, покосилось. Со временем оно бы сгнило и рассыпалось. Благо, его случайно нашли охотники — на перепутье стоит, подлатали, подладили, крышу заменили, ещё одно оконце втиснули в прогнившую стену. Светло и уютно стало в зимовье.

Не думая, не гадал, что в этом зимовье придётся мне несколько дней прожить и пообщаться с Виктором Петровичем. Наша поездка на Сочур вышла экспромтом. Этой весной я не собирался в тайгу. Когда природа оживает, тогда человек лишний в лесах. Не надо мешать таёжной живности гнездиться, плодиться, наслаждаться жизнью. В тайге в это время жизнь кипит, суета сует.

Дома, занимаясь повседневными делами, часто вспоминал Овсянку, откуда я только что вернулся в свою деревню. И как-то вечером у меня в доме объявился Виктор Петрович, будто с поднебесья спустился, упал как снег на голову. Рядом с ним Василий Нестерович Сидоркин, возглавлявший в ту пору компанию «Эко-Сым». Оба стоят у порога, мнутя, что-то важное выложить хотят. На Виктора Петровича непохоже: в его ли возрасте, как мальчишке, смущаться и помалкивать?

— Ну что вы у порога-то? Проходите в избу, — спохватился я, не пришедший ещё в себя после такого сюрприза.

А Виктор Петрович тотчас же прямой вопрос влепил:

— Со временем как?

— Его всю жизнь нехватка.

— Тогда чай давай, Люда, — обратился Виктор Петрович к моей жене.

За чаем и пряниками дело не стало. Скоро мы сидели за столом и перебирали по памяти подходящие глухие места, куда нам забраться на рыбалку. Не помню почему, но единодушно выбрали реку Сочур, где затишье и Божья благодать.

Сочур, тихая, спокойная, без капризов, река встретила нас покоем и умиротворением. На её глинистых берегах кое-где стояла ещё вода, оставленная половодьем. Русло обрело свою форму. Озёра, перемкнутые ещё тонкими перемычками берега, прятались в глубине тайги, с каждым днём всё более удаляясь в глушь от успокаивавшейся реки. На Сочуре движение воды почти не заметно глазу, и река больше напоминает застоявшееся болото с вязкой тиной на отмелях. Только редкие песчаные обмыски говорят о том, что здесь, как и на всей земле, продолжается жизнь. Таких рек на левобережье Енисея множество, скрытых и тихих. В них не водится благородная рыба, но уж «сорной» вволю. Пудовые щуки вечерами будоражат воду, поджидая зазевавшуюся мелочь, краснобрюхие язи лениво шевелят плавниками, собираясь у приржий. Окуня и сороги и вовсе не счесть.

Не знаю, почему согласился Виктор Петрович побывать на реке Сочур. Избалованный приглашениями рыбаков, он мог без труда побывать в любом, даже недоступном для простых смертных, уголке нашего края. Рыбацкая удача всегда сопутствовала ему. В былые времена он умеючи ловил на спиннинг и тайменя, и хариуса, и ленка, да и чего ему только не попадалось. И вдруг ни с того ни с сего — река Сочур с застоялой водой, с непривлекательной для любого ханжи рыбой. Уже позже я понял, что промысловый улов никогда не интересовал Виктора Петровича. Ему бы посидеть с удочкой на берегу тихой реки, побыть с природой наедине, подумать, помечтать, поговорить с птицами. Потому-то большие компании он не любил, особенно сторонился любителей повыпячиваться, повыпендриваться, повыкобениваться. Сам же всегда поддерживал разговор у костра ли, в избушке ли, на реке ли, и каждый раз в его речи не было местоимения «я» — для него это словно не существовало. Восхвалителей «подвигов» он сторонился, а при случае осуждал их за бездуховность, легкомыслие и беспечность.

Я же выбрал реку Сочур для поездки лишь по одной причине: давно обещал показать писателю свою малую родину — древнее село Маковское. Такой случай представился, и я, конечно, воспользовался им. Направляясь к Сочуру, вертолёт обязательно пролетит над моим селом. К месту было и то, что я попросил пилотов покругиться над Маковским.

Вертолёт то зависал, то делал круги над селом. И в эти минуты сильно было моё желание ступить на родную землю, повидаться с мамой — тогда она жила там, но лётное время было весьма ограничено, экипаж торопился.

Мы, уставившись в иллюминаторы, смотрели вниз. Река Кеть входила в берега. Разорённые и большей частью заколоченные дома, поваленные заборы словно взывали о помощи. Заваленные хламом и мусором улицы стали узкими, жалкими. Чего бы ни касался взор — всюду запустение, беспечность людская. Лишь уцелевшие редкие телевизионные антенны на длинных шестах вещали, что в селе ещё теплится жизнь.

Когда в последний раз вертолёт завис над селом, писатель воскликнул, качая головой:

— Какое село загубили!!!

После зрелища разрушенного древнего сибирского села, форпоста Восточной Сибири семнадцатого века, Виктор Петрович каждый раз при наших встречах будет задавать мне один и тот же вопрос: «Мать-то перевёз к себе?» А когда через год я утвердительно отвечу, то он мне напишет: «Переправил мать-то с отчимом? Ещё одно деревенское русское гнездо опустеет. О-о-о, Господи, когда же наоборот-то будет?»

Расстроенный Виктор Петрович ещё раз уныло глянул в иллюминатор и, достав из энцефалитки вчетверо сложенный листок бумаги, подал мне.

— Нам бы сей день пережить,— кисло улыбнулся он.

На листке его почерком было написано одно слово: «Крепись».

Сочур встретил нас хмарью и дождём. Но вскоре выглянуло солнце, защebetали птахи, лёгкий ветерок принёс тепло с южной стороны. Вокруг избушки буйно росла черемша. Её было так много, что некуда было поставить ногу. Она росла даже у самого порога избушки. Мы стояли в растерянности, поглядывая друг на друга. Не хотелось топтать нежные листочки, а дверь открывать надо. Я первым решился и вошёл в избушку. Порадовало то, что в зимовье было сухо. Как раз то, что нужно для больных лёгких Виктора Петровича.

Чай вскипел быстро, и на столе появилась гора городской снеди. Виктор Петрович привезённые яства небрежно отодвинул в сторону и, вооружившись ножом, не выходя из зимовья, напластал у порога груды сочной черемши. В эти минуты мы с благодарностью вспомнили мою жену Люду, которая не забыла впопыхах всунуть в рюкзак литровую банку сметаны. Уже на третий день сметаны и картошки не осталось, и черемша отступила от избушки — собирал я её уже в дальнем берёзовом колке. А городская провизия почти вся вернулась домой.

Рыбалка на Сочуре у нас не получилась. Рыбы здесь будто никогда не бывало: она не хотела идти ни в сеть, ни на крючок. Мы понимали, что наступило то «мёртвое» время, затишье на реке, когда полая вода ушла, а река ещё не вошла в берега, не обрела своего первоначального русла. Но, несмотря на затишье, писатель всё же сумел удочкой натаскать сорожек. Из них получилась превосходная уха, заправленная черемшой и диким луком.

Всё это было будто вчера. Приходило свежее утро, и мы, отдохнувшие, — с удочками на реке. Ещё труднодоступны и слишком мягки глинистые берега Сочура после паводка. Прошлогодняя осока бабьими нечёсаными волосьями обвисла на острых кочках. Но природа ожила. Во всю глотку горланят птицы. Ранним утром, ещё в сумерках, на тихом плёсе по глади воды бьёт широким хвостом бобр. А вокруг нас — белизна уже отцветающей душистой черёмухи. Лучезарное небо без единого облачка, и нам, незадачливым рыбакам, вовсе не грустно на диких, скрытых от цивилизации и разгрома, тихих берегах реки.

Трудяга-лодка с подвесным мотором неустанно мчит нас то на один, то на другой мысок. Но и там, к сожалению, нам не сопутствует удача. Лодка снова летит в верховья Сочура. И вот на мыске, как на великолепной картине, стоит и удивлённо смотрит в нашу сторону изящная лосиха. Ещё рыжие неокрепшие лосята жмутся к матери, лезут ей под брюхо. И я слышу рядом крик, душераздирающий, требовательный:

— Беги, дура!!! Пристрелят ведь, изверги.

Я удивлённо гляжу на Виктора Петровича. Что это?! В шутку или всерьёз? Исподтишка наблюдаю за его лицом. Мне хочется возразить: «Неужто у меня, охотника от сердца, природолюбца с детства, может подняться рука в такую пору, да ещё на дитя?» Но тут же сконфуженно поджимаю губы и молчу. Видно, на моей кислой физиономии было столько страдания и боли, что Виктор Петрович понял: тронул меня за живое. Он захохотал:

— Самолюбие задел?! Терпи, казак, атаманом будешь. Не то в жизни терпел, знаю. А как я тебя? Под самое дыхло, а?

Конечно, я бы никогда не простил себе «самоубийства». В такую пору не зверя стрелять — сердце своё рвать.

Лосиха не торопилась. Постояв ещё немного, она, видно, без всякой охоты побрела в прибрежные кустарники, уводя за собой нескладных малышей.

Мы встречались с лосихой каждый день, а Виктор Петрович всё подтрунивал надо мной:

— Ах, Алёша, нам ли жить в печали? А мясо-то какое ушло!!!

Это он хотел разжечь во мне неуёмную страсть охотника, пытая меня, чего же больше во мне накопилось — страсти или разума.

А вечерами у костра — рассказы писателя о его интересных и многочисленных путешествиях по нашей стране и по загранице.

Кажется, костёр уже устал разбрасывать искры, и пора укладываться спать. Но я не уставал слушать всё новые и новые рассказы писателя. Он часто прерывался, вслушиваясь в ночь, определял щебечущую птицу. Посматривая на яркие звёзды, вдруг восхищался весной. И я тогда понял, что этот человек, громада мыслей, не может писать о своей земле иначе, как это он умеет делать. Весна светилась и отражалась в каждой морщинке его лица, в движениях, в дыхании, в связных словах, не случайных, а продуманных, точных. И ещё я понял, что, овладевая мастерством сочинительства, надо в первую очередь тонко чувствовать Природу, её движение, понимать её, чтобы потом незаметным штрихом ненавязчиво нарисовать её образ, точным словом, так, какая она есть на самом деле, без прикрас, не выдумывая «цветистые шлейфы» зари. Потому-то проза Виктора Петровича понятна любому человеку, читаема всеми.

Оба влюблённые в тайгу, мы могли часами говорить о её тайнах, современном состоянии, бережении, прочих премудростях лесной жизни. Наученный ею тропить зверя, ловить рыбу, выживать в экстремальных ситуациях, я люблю тайгу всем сердцем, стремлюсь туда при случае и, конечно, восхищаюсь её могуществом, мудростью и тайнами.

Я ещё раньше в своём сказании-романе «Государева вотчина» рискнул сконцентрировать в небольшом абзаце её прелесть. Об этом я поделился с Виктором Петровичем на Сочуре, когда было непогоде и мы, пережидая дождь, уединились в избушке.

— Почитай!..— сказал он просто и приготовился слушать, задумавшись.

Монолог я старался читать выразительно, но от волнения не получалось так, как бы хотелось. И я с дрожью в голосе читал:

«Тихие вечера на Кети необычайно завораживающи. Спрячется за лесом до утра сильное солнце, на землю медленно опустится ночь. Поначалу сумерками прикроет леса, как лёгким воздушным одеялом, а затем соберёт воедино весь просматриваемый простор и скоро встанет сплошной непроницаемой стеной. Ни огонька вдаль, ни костерка на отмелях. Только яркие сочные звёзды беспорядочно рассыплются по небу, разбредутся от края и до края по тёмному пространству и вспархивают, как жёлтые цыпушки подле клуши. В густой хвое игриво прощуришит шаловливый ветер, да неохотно шевельнётся в кустах запоздалая птица, укладываясь на покой, и всё стихнет, замрёт до рассвета. Только всю ночь слышно, как играет шальная волна у крутого берега да звонко шумит вдаль стремительный пережат».

Когда я с трудом выдавил последнее слово абзаца, писатель с любопытством посмотрел на меня и попросил:

— Ну-ка ещё что-нибудь...

Перебрав листочки черновика, я нашёл новый коротенький абзац, касающийся тайги:

«Нескончаемы сибирские гали. В синеватой дымке стеной предстанет пред путником тёмный лес, преграждая путь-дорогу, и кажется, что нет уже ничего дальше путей этих; непроходима неезжая дорога. Но мнимая видимость скоро исчезает, как дым на ветру. Расступилась стена леса, лёгкие санки выскочили на ледяную озёрную гладь, припорошённую снегом, и вновь пред путником ощерилась новая стена леса, могучая в своей непомерной силе, не тронутая человеком. Поздно выкатится из-за острых вершин елей округлое солнце, короткое время помячит над лесом, стремительно покатится вниз, за горизонт. Короток и морозен в Сибири зимний день».

Я видел, как лицо Виктора Петровича светлело, но он не перебивал меня. Ободрённый вниманием, я добрался, как мне казалось, до главного. Но прежде чем об этом поведать, прочёл тёплые строки о земле:

«А осень расходилась. Приближалось бабье лето с лёгкой паутинкой, ярким солнцем и последним теплом, отдаваемым матерью-землёй всему живому, что ещё не завяло, а то и цвело, благоухало. Устала она от нудных дождей и бешеных беспощадных

гроз, от смертельных ветровалов, наводнений, пожаров. Вздохнуть бы ей всей грудью и отдохнуть. Но, хотя она и устала, не может позволить себе расслабиться. Мать-земля должна дать жизнь всему живому: густому разнотравью, деревьям, шелестящим листвой, разноголосице птиц, рёву зверей, плещущейся рыбе в глубоких водоёмах и самому человеку. До зимы она ещё успеет обласкать всё и всех, отдавая до капельки тепло нутра. А в пору бабьего лета она, мать-земля, радуется вместе с человеком тёплому солнцу, шелестящему листопаду, прикрывающему её цветастым одеялом. Прикрыв лицо паутиной, будто невеста вуалью, она и чувствует себя словно невеста: вновь радуется и поёт, внимая нашёптыванию листвы и трав, слабого нежного ветерка, слышит неувядаемую песнь самой жизни».

— Хорошо! — выдохнул Виктор Петрович, вытирая платком слезившийся глаз. — О тайге чего-то набуравил?

— Есть о тайге, — с готовностью ответил я.

— Тогда зачем резину тянуть? Читай...

«Тайга, тайга, тайга!»

Под напором ветра шумит и стонет вековой лес. Мохнатые кедровые шишки обронили наземь спелую шишку. Взъерошились корявыми щупальцами коряги — ветровал не праздник для тайги. Тонкие непроходимые болота таят в себе зловещую смерть. Ступит нечаянно ногой путник на обомшелую кочку, и поминай как звали. Но живые островки болот привлекательны крупной и сочной ягодой клюквой. Здесь с ясной зорькой медведь нагуливает на зиму жир, оставляя после себя сморщенные клюквенные кучи.

На галечниках важно разгуливают большие непуганые птицы — глухари. Насторожённо поднимут в отсвете зари краснобровую голову, прислушиваясь к мерному шуму хвои, и снова важно прогуливаются по белой как снег отмели.

Уж отревели в гон в горях сохатые, отлетела в тёплые края птица пернатая. Сосновые боры рдеют коврами бордовой брусники. Здесь день и ночь идёт неустанная работа. И зверь, и птица, и человек — не гости в сосновых борах.

Тайга! Дремучие непроходимые чащобы. Без тебя нет жизни лесному человеку. Ты накормишь, огенешь и обуешь любого, кто душой и сердцем любит тебя, как мать, бережёт и лелеет. Нет места здесь слабым. Нет жалости злодею. Она всегда мстит за нерадивость, алчность и коварство.

Тайга!

Извечная кормилица!»

Когда я умолк, писатель пожалился:

— На болячку наступил ты мне, Алёша. Смогу ли ещё побыть с тобой в зимовье, побродить по тайге, порыбалить? Нет. Знаю, что не бывать мне уже здесь. Хоть ты когда вспомянай меня в избушке. Ей, тайге-то, поклонись и попроси ещё раз прощения у неё за урон. За меня попроси. А написал ты от души, глубоко. Одним словом, получился образ тайги.

— Ну что вы! — замер я.

— Я знаю. Уже твёрдо знаю. Нутром чувствую, что скоро... Не утешай... Не надо. А о природе писать нужно больше, лучше и глубже, чем теперь пишут. Сегодня человек и природа — это проблема.

Зимовье на реке Сочур стоит до сих пор. Под надёжной крышей ему не страшна мокрота. И каждый раз, остановившись на перепутье ли, обогреться и выпить кружку чая, переночевать ли в случае заметённой таёжной тропы, я вспоминаю те дни, когда мы общались здесь с Виктором Петровичем. Никогда не ложусь я отдыхать на нары, на которых отдыхал и увлекательно рассказывал незабываемые бесконечные истории любимый писатель. И кружка, и ложка, и закопчённый чайник — вещи, которыми пользовался он, — святы для меня. Каждый раз, когда в одиночестве я коротаю долгие бессонные ночи в зимовье, мне кажется, что напротив меня сидит Виктор Петрович. Я в тайге уже не один. Он не назидательно учит меня и здесь: как быть, что делать. И каждый раз я слышу и внимаю его неторопливую речь. А когда работаю за столом или читаю — часто задумываюсь о том, как бы это делал Виктор Петрович. Необъяснимая сила тянет меня к нему, в Овсянку или одинокое таёжное зимовье на реке Сочур. Когда мне плохо, то я еду туда.

И как завещание повторяю слова Виктора Петровича: *«О тайга, о вечный русский лес и все времена года, на земле русской происходящие, что может быть и есть прекрасное в вас? Спасибо Господу, что пылинкой высеял меня на эту землю, спасибо судьбе за то, что она сделала меня лесным бродягой и подарила въяве столь чудес, которые краше всякой сказки».*

Общеизвестно, что Виктор Петрович Астафьев всегда был душой любой компании. Он всегда шутил. А то и подтрунивал над собеседником, ловко снимая напряжение прибаутками, присказками, весёлыми случаями из быта людей, которых помнил множество. Он беззлобно высмеивал неуклюжесть, рассеянность и безалаберность слушателя. На него обижаться

нельзя было. Всё это происходило так беззлобно, как само собой разумеющееся, даже к месту и кстати.

Виктор Петрович любил исполнять куплеты из русских народных песен, а уж частушки — особенно матерные — были его коньком в любой подходящей компании. Ловкий и меткий беззлобный мат вплетался в контекст его «задушевного» разговора таким образом, что без него обойтись будто бы нельзя было. Мат у Астафьева всегда был точен и к месту, даже сглаживал напряжение слушателей. При этом компания заразительно смеялась, а кто и сконфуженно морщился, особенно из «хлипких интеллигентов». Ну а кто знал, общался и любил Виктора Петровича, тот заранее готовил себя к «обстоятельному разговору».

Юмор Астафьева был неиссякаем. Он шутил и тогда, когда в дом его приходила радость, и тогда, когда невыносимо больно на сердце было. Виктор Петрович не унывал «ни при какой погоде». Впрочем, радости в жизни этому великому человеку было не так уж много — больше разочарований и горя. Обыватель может возразить: мол, Астафьев добился всего, чего мог добиться талантливый писатель. Но каким трудом это ему досталось! Сколько бед и горя свалилось на его голову с самого малолетства! Такое мог выдержать только сильный духом человек.

Зачастую он подтрунивал и надо мной, мимоходом вроде. А особенно любил он балагурить в тайге. Зная свою провинциальную неуклюжесть, неумение держаться в достойной компании, словоблудие, а то и излишнюю замкнутость, я не обижался. Мои деревенские пороки Виктор Петрович для себя обозначил сразу и вовсе не смеялся над ними, а шуткой-прибауткой старался выправлять, ставя моё самолюбие на место. В его письмах ко мне всегда были то откровенная горечь, то открытое наставление, а то и шутка. В каждый конверт он вкладывал, как правило, то календарик с пожеланиями, то фотографию, а то и вырезку из газеты. Отправлял он мне и толстенные бандероли с газетами и журналами.

Особенно памятен мне год 1994-й. Он был насыщен встречами и общением с Виктором Петровичем. Почти до самого Нового года я был в тайге. А когда вернулся домой, меня ждало письмо от Виктора Петровича. В конверте была фотография Астафьева и поздравительная открытка жене Людмиле. Затем состоялась наша встреча в Академгородке, когда Виктор Петрович предложил написать предисловие к моей первой книжке «Мужская трава». А когда вышла книжка в свет, то он

предложил мне провести презентацию её в Енисейске и сам изъявил желание присутствовать на ней.

Весну провели мы вместе в Овсянке. А вот осенью писатель со съёмочной группой из Санкт-Петербурга отправился по Енисею за «царь-рыбой». Они прилетели из Красноярска в Енисейск поздно вечером и, конечно, застали нас с женой врасплох. Но непринуждённость, шутки, хорошее настроение Виктора Петровича всё поставили на свои места. В нашей квартире места хватило всем. Так и не заснули мы тогда до утра. Из-за отсутствия катера нашим гостям пришлось задержаться в Озёрном ещё на два дня. Они понапрасну времени не теряли. Виктор Петрович, пожалев Люду, изъявил желание копать нашу картошку. На старом «уазике» мы весёлой компанией с трудом добрались до общественного поля, где наш участок притулился с краю. На заброшенном колхозниками поле когда-то сеяли для силосования окультуренный рапс, с которым справиться было трудно, он пёр не по дням, а по часам. Не помогали даже частые пропалывания. Весь участок был затянут этой ярко цветущей травой, так что и плетей картошки не видно было. К тому же на моём и всех соседних участках свирепствовал осот, который чем больше пропалываешь, тем его больше вырастает. Удручающую картину безысходности довершала мокрица.

— О-го-го! — удивлённо воскликнул Виктор Петрович, оказавшись на поле. — Да ты, я вижу, Алёша, полевод отменный.

Мне ничего не оставалось делать, как молча развести руками. Но как бы то ни было, несмотря на поломку машины, густотравье на поле и начавшийся не ко времени дождь, Виктор Петрович вечером торжественно доложил жене:

— Люда! Мужики ужин заработали. Нарыли картохи по мешку на рыло.

И без конца беззлобно насмехался надо мной, обращаясь к Людмиле, что муж её никчёмный, такой же, как и он, Астафьев, у Марии Семёновны. Люда, как могла, защищала меня, но тут и ей досталось за переваренную картошку.

А уж зимой, как свидетельство бесхозяйственности, он отправил нам фотографии с обличительным юмором: «Командарм Бондаренко посылает гоп-команду в бой осенью 1994 года на картофельное поле».

В самый разгар перестройки в стране Виктор Петрович в письме отправил мне календарик с изображением вульгарной

полуголой девицы. На обратной стороне написал: «Вот что сделали проклятые демократы с советской комсомолкой».

25 июня 1999 года он напишет мне в общем-то разухабистое письмо, в котором вновь проявится его юмор и вместе с ним забота обо мне.

«Дорогой Алёша!

Хоть я и умиляюсь твоей башкой, овечьей детской пушкой, и всё же обрати внимание на эту статейку. Только вот откуда ты будешь брать волосья для пересадки? Оголять свой предмет до основания? Некрасиво. Может, Людмила часть волос своих пожертвует с какого-нибудь места, а?

Я жив и почти здоров, раз ещё шутить способен. Народ надоедает, а так-то всё хорошо.

Обнимаю. Целую.

Твой Виктор Петрович.

25 июня 1999 г.

с. Овсянка».

И в этой статье, которая называлась «Вторая жизнь ваших волос», рукой Виктора Петровича подчёркнут последний абзац: «И последнее: по данным наших наблюдений, мужчины с более густой шевелюрой менее подвержены различным комплексам и стрессам, они более уверены в себе при общении с окружающими. И, как следствие, меньше болеют и дольше живут».

Конечно, обид у меня на писателя никаких не было. Мы вместе с Людой смеялись, а вскоре и я «выдал» Виктору Петровичу что-то в этом роде, не колкое, но ёмкое. Теперь дословно уже плохо помню.

Весной 2000 года в Овсянке Виктор Петрович вновь пожалился мне на ухудшающее здоровье. И выразил желание осенью или зимой съездить подлечиться в санаторий «Красноярское Загорье».

— А почему в «Загорье»? Разве в России лучше нет курортов? — спросил я.

— Куда они девались! Да сил у меня не осталось далеко ехать. Не перенесу дальний перелёт, — удручённо ответил Виктор Петрович и добавил: — Не съездишь ли со мной?

— Но ведь я с октября в тайге буду.

— Тогда в декабре, — не отступался писатель.

И всё же мы твёрдо решили вместе поехать в санаторий в декабре.

С осени я ушёл в тайгу, надеясь по возвращении известить Виктора Петровича о своём приезде и уж после вместе податься в «Красноярское Загорье». Но Виктор Петрович по своей забывчивости перепутал обусловленный нами месяц поездки и, в надежде на мой скорый приезд, один в ноябре уехал в санаторий. Об этом мне по радиостанции сообщили друзья. Мол, Астафьев тебя ждёт. Они же в спешном порядке вывезли меня вертолётom из тайги. А через несколько дней я уже был рядом с Виктором Петровичем.

Дома же ждало меня от него письмо:

«Дорогой Алёша!

Ты, наверное, уже в лесу молишься колесу и гоняешь белок по деревьям? Тут мне звонили, видимо по твоему поручению, спрашивали иль уточнить дату поездки в „Загорье“. Сегодня мне сообщили, что путёвка выписывается с 1 ноября на 24 дня. Если ты сразу поедешь в санаторий, то и меня прихватишь, если дела заставят приехать раньше, тогда позвони мне, и я сам организую транспорт.

А пока посылаю тебе картинку — это как ты выйдешь из тёмного лесу, наставишь своё ружьишко, так девки в Енисейске и в ближайших городах руки вверх подымут.

Ну, покедова, дома всё без существенных изменений, в Овсянке тоже.

Обнимаю тебя и кланяюсь Люде.

Твой Виктор Петрович

(подпись).

23 октября 2000 г.».

И я тотчас же помчался я в «Красноярское Загорье», где с нетерпением ждал меня больной друг...

Последнее письмо от Виктора Петровича датировано 2 апреля 2001 года:

«Дорогой Алёша!

Был у меня в больнице журналист, славный парень, прекрасный фотограф, и сказал, что, поклонившись тайге и попросив у неё прощения за шум и урон, ты вернулся домой...»

Уже будучи тяжело больным, Виктор Петрович и тогда не удержался от шутки. С письмом пришла фотография медвежонка, а на обороте пронзительные, кричащие слова: «Не убивай меня, о Бондаренко!»

Это было будто вчера.

Осень 2000 года. Подъезжая к Красноярску, я печально смотрел по сторонам. На обочинах дороги лежал снег, деревья хмуро

смотрели на меня. И что бы волноваться, когда я не организатор «Литературных встреч в русской провинции», а всего лишь участник, один из многих приглашённых писателей России? Думая о предстоящем открытии литературного праздника на родине классика русской литературы Виктора Петровича Астафьева, в Овсянке, молил Всевышнего, чтобы наладилась погода, засветило солнце над родной мне уже деревней, осветило радостным лучом библиотеку-музей и не испортило предстоящего праздника.

В Овсянке многочисленные гости из разных регионов России тревожно поглядывали на небо, поёживались. И наступил тот час, когда на парадном крыльце библиотеки-музея объявился Виктор Петрович. И, будто знамение, произошло чудо природы, которое увидишь в жизни редко. Над Овсянкой тёмные тучи словно разорвались, радостно блеснуло солнышко. И скоро небо очистилось, наступила та «короткая, но дивная пора», которую с нетерпением ждали не только люди, но и вся окружающая их природа.

Радостно засияли глаза Виктора Петровича. Шумные гости примолкли, стало так тихо, что я невольно услышал шелест ещё оставшейся кое-где листвы рябин. Их когда-то посадили у библиотеки-музея великий писатель Астафьев и первый президент России Ельцин. Предо мной зримо предстали те минуты, ушедшие в давность: улыбающиеся, ожидающие чуда от реформ люди, острые шутки писателя и избранного на другой срок президента. Тогда была весна, и день был довольно тёплый и солнечный, как и тогда начинавшаяся осень.

Я парил от счастья, что слышал спокойный, уверенный голос дорогого мне человека, его голос, голос Астафьева!

Как быстротечно время! Оно не подвластно нам, и повернуть его вспять невозможно. Но помню, помню!

— Я приветствую вас! — говорил Виктор Петрович. — Надеюсь, что вы все будете в добром здравии, подышите сосновым воздухом, пообщаетесь друг с другом. Одна из моих тайных надежд, чтобы люди общались друг с другом. Пожалуйста, общайтесь так, в гостинице с пол-литрой, без пол-литры, но только общайтесь. И, пожалуйста, не тратьте время, слова и энергию на всякие политические дискуссии и споры. Они у нас стали чем-то вроде наркотиков. У нас старухи в магазине и у колодца спорят. Бомжи тоже политиками стали. Дома исходят от споров дымом. И думаю, что если мы себя от этого избавим, то сэкономим какую-то часть своего здоровья, нервов,

а главное — сбережём время. Пожалуйста, как-то настройте себя на такой лад: поговорим о том, о чём разучились говорить... Общайтесь, пожалуйста!

А затем поездки... И, несмотря на напряжённую работу, общались мы в Овсянке, Дивногорске, Красноярске. Знакомились друг с другом, дарили книги. Восхищались или выказывали недовольство тем или иным фактом, происходящим в культурной жизни страны. Времени было в обрез: тут и пленарные заседания, и встречи с читателями, и вечерний писательский клуб, и, наконец, культурная программа.

В Овсянке, накануне работы конференции, Виктор Петрович пытал меня:

— Где бы ты хотел после чтений встретиться с читателями?

— А мне всё одно — где хорошо примут,— беспечно ответил я, смеясь.

— На своей родине не хочешь?

— Наверное, надоел уже там! Посвежее что-то надо, впечатлений новых.

— А со мной?

— Хоть на край света, Виктор Петрович. Только не возьмёте меня с собой на край света-то. Зачем там колхоз?

— Не шути так,— упрекнул Виктор Петрович.— Я к чему клоню? Наметил поездку в Енисейск. Подобрал подходящих литературных монстров. Вон одна Нинка Краснова чего стоит! Одна запоёт народ матерными частушками.

Для меня такое решение писателя было полной неожиданностью. Слов для ответа просто не нашлось лишь по одной причине: я был просто шокирован. И, конечно, для моих земляков-енисейцев визит высоких гостей — большая честь.

Виктор Петрович ещё сказал, что он долго думал и, несмотря на своё аховское здоровье, всё же решился сделать перелёт Красноярск — Енисейск в такое слякотное осеннее время. И это случилось ещё по настоятельной просьбе главы Енисейского района. И придётся ли ещё когда побывать Виктору Петровичу в Енисейске, к которому он относился с уважением как к основателю всей Восточной Сибири, который он любил? Енисейск напоминал ему детство.

Встреча писателя с читателями в культурном центре села Озёрное была впечатляющей. Писатели по очереди говорили о литературе, искусстве, а благодарные слушатели в буквальном

смысле этого слова засыпали гостей вопросами. Виктор Петрович уважительно представлял гостей. Он дал слово музыковеду из Москвы А. А. Золотову.

Слушая академика Золотова и поглядывая на другого академика — Астафьева, мне становилось муторно и тяжело оттого, что такой я маленький в большом мире познания, не дорос, не домыслил, не дочитал, не приблизился хотя бы на йоту до этих больших и умных людей, обладающих глубинным и возвышенным мышлением, и я, мизгирь, сижу рядом с ними, слушаю, внимаю, да ещё осмелился во «дворец» свой домашний в гости пригласить. Да ещё чего-то вякаю, изображая из себя умного, невесть какого грамотея, на самом же деле в большом мире слов овладевшего знаниями начальной школы.

Не был я удовлетворён своим положением. Меня всё время томило какое-то беспокойство, мне всё больше слышался голос, останавливающий меня в своих намерениях работать больше, совершенствовать себя, дерзать, читать, учиться дальше, постигая мудрость умных мужей. Возможно, не туда меня жизнь завела, не то ищу, не о том думаю.

Подумав о своём смысле жизни и найдя в спокойном, сосредоточенном взгляде на зал Астафьева будто бы успокоение, то успокоение, которое я искал для себя, уже не рассеянно, а сосредоточенно стал слушать приезжих писателей, которые смело рассуждали о литературе, искусстве и вообще о бытии.

Успокаивало меня и то, что, оказавшись наедине с Виктором Петровичем, ведя с ним разговор о жизни или балакая во все ни о чём, я снова слабо цеплялся за ту живительную ниточку, которая привела меня в Овсянку. И вновь жизнь для меня была не такой уж унылой, безнадёжной и пустой.

А зал слушал писателя А. Варламова из Москвы, который восхищался гостеприимством и открытостью душ сибиряков. Писатель В. Полушин рассказывал о мерах, предпринимаемых губернатором А. Лебедем, чтобы пишущей братии жилось лучше, издавались их книги. Затем критик В. Курбатов наставлял нас, как нужно осторожно обращаться с русским словом. Бойко отвечала на вопросы слушателей поэтесса Н. Краснова. Под бурные аплодисменты она даже частушки исполнила, не матерные, как утверждал Виктор Петрович, а собственного сочинения на злободневные темы.

Разговор подытожил Виктор Петрович. Он говорил о состоянии современной литературы в России, её значении в

нелёгкое время для народа. Он вспомнил и о недостроенной Подтёсовской школе:

— Что касается Подтёсовской школы Енисейского района, то я сказал губернатору Александру Ивановичу Лебедеву, когда он ещё был в кандидатах, что надо её достраивать. Что посёлок хороший, читающий и нуждается в такой школе. Он тогда ответил мне, что когда наладится дело, то обязательно возьмётся за строительство этой школы. О Подтёсовской школе я говорю везде, где только бываю: и гостям, и иностранцам, и своим.

На другой день гости побывали в городе Енисейске, где посетили православную гимназию, Спасский монастырь, краеведческий музей, библиотеки. «Литературные встречи в русской провинции» подходили к завершению, и в моём сердце была радость и в то же время грусть, что всё так быстро закончилось. Но в душе буйствовала весна. И с тревогой я думал, когда теперь поведут меня пути-дороги в Овсянку. Ведь Мастер глубокой осенью оставит её. А сердце моё там, под нарядной калиной, которая охотно приветчает желанных гостей писателя. И буду ждать я её, новую весну, с нетерпением, чтобы вновь услышать мудрые слова, пообщаться, подумать. Какой она будет для меня, эта новая весна?

Мастера не стало, но в душе моей он где-то глубоко. И теперь, когда вновь приходит весна, день рождения Виктора Петровича, когда намечаются новые «Литературные встречи в русской провинции» уже без него, Астафьева, снова хочется обратиться к замечательной книге М. Рощина «Иван Бунин», где точно и ёмко сказано о преемственности русской литературы:

«Русские писатели учатся у русских писателей,— ну не только, разумеется, не только! — но новые великаны опираются на плечи старых,— есть школа, учителями в ней, как мы только что видели, всё тот же Пушкин, тот же Гоголь! Как сказочно хороша эта школа! Как просторны её классы, высоки окна и потолки, чисты стены и коридоры, просторны и высоки лестницы, какой дух прилежания и самодисциплины, любви и товарищества, авторитета и образованности учителей! Сурова администрация, справедливы оценки, образцовы отличники, наказуемы по заслугам лентяи и проныры, позорны подхалимы и любимчики начальства, соперничество и соревнование благородны, шпаргалки и выскочки презираемы. Образцова и почитаема школа русской литературы».

Хочется мне заявить во весь голос, кричать до хрипоты, до иступления, что осталась школа, и будет жить школа русской литературы в русской провинции; в частности, есть астафьевская школа, основанная на классической русской литературе.

И мы, красноярские писатели, его современники, счастливы и горды, что жили с Мастером рядом, дышали одним воздухом, не орали, не спорили, кто поумнее, а слушали и внимали каждое астафьевское слово, учились у него, живя рядом с ним, тянулись к нему, старались быть добрее сердцем, чище душой, перенимали его заразительный пример — больше и лучше работать.

Вот и на земле енисейской, которую Виктор Петрович любил всем сердцем, заложен прочный фундамент «маленьких» астафьевских встреч.

И когда Мастера не стало, в год памяти великого земляка, перед днём его рождения, сюда, в село Озёрное, где некогда «общался» с писателями и читателями сам Астафьев, приезжала из Красноярска группа писателей, поэты и прозаики Красноярья: Владимир Полушин, Валерий Латынин, Александр Щербаков, директор Дома писателя Николай Зинченко. На встречах они тепло говорили об Астафьеве, его школе, знакомили читателей со своим творчеством, говорили о русской литературе. Нам не хватало времени. Всюду нас ждали с нетерпением школьники и учителя, студенты и пенсионеры, любители литературы, думающие о своей родине. Так же, как и в быт-

ность Виктора Петровича, читатели задавали массу вопросов, интересовались достижениями современной литературы, ждали исчерпывающих ответов. График двухдневной работы был весьма насыщен, но, тем не менее, писатели сумели пообщаться с читателями Абалаковской средней школы, казачьей гимназии, а уж встреча с читателями

Прощание с В. П. Астафьевым у крыльца Красноярского краеведческого музея. Декабрь 2001

в культурном центре села Озёрное переросла в настоящий праздник литературы.

География визитов Астафьева в сёла нашего района довольно обширна: Озёрное, Погодаево, Анциферово, Ярцево, Подтёсово... Но уж о Енисейске вовсе говорить не приходится. Он любил этот древний город всем сердцем. И всюду встречали знаменитого земляка с распростёртыми объятиями. Он охотно ехал на такие встречи, встречался с учителями и учащимися в школах, увлекательно делился планами, да и любой житель селения мог подойти к нему, пожать руку. В такие минуты он улыбался, и, очевидно, сами собой отпадали его же вопросы, волнующие всю жизнь писателя, которые он выразил в одной из своих «затесей» «Сопричастный всему живому». Виктор Петрович спрашивал самого себя: *«За что судьба даровала мне счастье жизни? Достоин ли я его, этого счастья? Всё ли делал для счастья других? Всегда ли был честен перед собою? Не рвал ли хлеб изо рта близких? Не оттирал ли с дороги локтями слабых?»* Нет. Виктор Петрович не тот человек, чтобы другому принести боль и страдание. Он всю свою жизнь нёс людям добро своей души. Он сам много пережил, перестрадал, передумал...

В январе 1998 года Погодаевской средней школе выпала большая честь — встреча и знакомство с В. П. Астафьевым.

Уже с утра 27 января в школе всем было известно о приезде писателя. В коридорах школы, в классах царил торжественная атмосфера. Ребят словно подменили: они не бегали, не шумели, лишь тихо переговаривались между собой. То там, то здесь раздавалось: «А ты читал? А ты знаешь? А ты помнишь?» Все ждали великого земляка.

Встреча состоялась на другой день под вечер. Виктор Петрович с большим интересом осмотрел выставку работ школьников, побывал в школьном музее, интернате, мастерских. Он был восхищён разнообразием и высоким уровнем мастерства учащихся, которые своими руками делают удивительные поделки. А затем — встреча с ребятами в классе. Ученица девятого класса этой школы Н. Понамарёва об этом напишет так:

Он в класс вошёл, обычной всех обычных,
Седой, чуть сторбленный старик.

Он оторвал нас всех от дел привычных
И строгим взглядом в душу к нам проник.

Мы слушали его заворожённо,
Мы так боялись громко говорить.
Сердца стучали наши напряжённо,
Плелась тихонько разговора нить.
Он нам рассказывал про жизнь свою,
Про книги, про поездки в дальние края,
Про то, что в столь огромном мире
Есть у него надёжные друзья.
Он говорил, а мы молчали больше —
Мы слушали. Боялись пропустить
Его речей затейливые мысли...
Своё старался сердце нам открыть.

Встреча продолжалась около двух часов. Виктор Петрович, прощаясь, пригласил учащихся школы к себе в гости, в Овсянку. И вскоре поездка школьников Погодаевской школы в Овсянку состоялась. Ребятам в Овсянке поразили красота и величие сельской библиотеки, позже названной библиотекой-музеем В. П. Астафьева. Здесь до заката солнца писатель рассказывал гостям о своём детстве, реках Мане и Енисее. Было о чём рассказать и ребятам.

Виктор Петрович был всегда внимателен и добр к гостям. Он поведал им о создании фонда его имени, который присуждает ежегодно три премии за особые достижения в области культуры, литературы и искусства, о своём решении рекомендовать Погодаевскую школу на получение премии.

В мае 2000 года в школу пришло извещение, что правление фонда имени Астафьева за развитие народных промыслов и традиций присудило Погодаевской школе премию имени Виктора Петровича Астафьева в размере пятнадцати тысяч рублей.

На церемонии вручения премии выступал Виктор Петрович Астафьев. Он лично вручил премию своего имени ученику Погодаевской школы Н. Соколову, а коллективу учителей и школьников пожелал дальнейших успехов. Юный лауреат, принимая из рук великого писателя премию, сказал, что эта высокая оценка принадлежит не ему, а всей школе.

По этому поводу в мае 2000 года Виктор Петрович напишет мне: «Вручили премию моего фонда, в том числе Погодаевской школе, чему я безмерно рад. Ребятишки и учителя приезжали славные. Девчушки сплошь красавицы в платьях и нарядах, ими же сшитых».

Вот такую большую оценку дал классик русской литературы коллективу Погодаевской школы. Да они и теперь по труду и умению не уступят любой школе района. При школе создали музей, где бережно хранятся книги с автографом, подаренные писателем. Много хороших дел на счету у этой школы.

Позже дети, побывавшие в Овсянке по приглашению писателя, в своих сочинениях напишут: «Маленькая деревушка на берегу Енисея, голубое небо. Облака, отражающиеся в водах реки. Деревушка тихая, каких много на нашей земле. Но эта примечательна тем, что это родина великого мастера слова В. П. Астафьева. И мне видится многое: вот идёт он по родной улице, приветствуя знакомых; а вот на лавочке у дома — делится с соседями новостями; а вот он за работой: задумчив и строг его взгляд, рука что-то пишет на листе бумаги... Чувство гордости переполняет моё сердце. Я здесь, я на земле писателя...» (М. Паршина). «Я счастлива оттого, что мне довелось побывать на родине В. П. Астафьева. Здесь, в Овсянке, рождались замечательные произведения, которые заставляют меня задуматься о смысле жизни, о своём предназначении в этом мире. В них я находила ответ на волнующие меня вопросы. На них я училась жить» (И. Паршина).

Теперь в библиотеке Погодаевской школы бережно хранятся книги с автографом В. П. Астафьева. В фондах школы имеются видеозаписи, рассказывающие о встречах писателя с учащимися школы. Здесь действует школьный музей. И запись, оставленная рукой В. П. Астафьева в «Книге отзывов», является гордостью школы.

В это же время В. П. Астафьев побывал и в Подтёсовской средней школе № 46, которая готовилась отметить своё шестидесятилетие. Встреча была тёплой. Учащиеся и учителя до сих пор вспоминают живой, интересный разговор с великим писателем. Виктор Петрович обратил внимание на ветхое здание старой школы и заверил коллектив учителей и учащихся, что поговорит с губернатором, чтобы продолжить строительство новой школы-долгостроя. И вот уже в мае 2001 года была сдана первая очередь школы-новостройки.

О Подтёсовской средней школе можно говорить особо. В ней обучаются дети речников, а воспитывают их талантливые педагоги. Есть среди них и отличники народного просвещения, и заслуженные педагоги Красноярского края, и почётные работники образования Енисейского района. Школа

суверенна и самоуправляема. Имеет свой устав. Учителю предоставлено право на творческое самовыражение, выбор форм и методов обучения и воспитания, на авторство учебных планов и программ. Создание атмосферы заботы и безопасности для ребёнка в школе и отношение к ребёнку как к полноценной личности — вот основные задачи педагогов. И как приоритетные — это здоровье, знания, культура. В центре всей работы — интересы и потребности самих детей. Каждый ребёнок несёт в себе определённую программу развития, заложенную в него от рождения, и школа ставит задачу: не мешать, а помогать реализации этой программы само моделирования человека.

Подтёсовская школа — лауреат Всероссийского конкурса «Школа года» (1999, 2000, 2001), «Школа века». Имеет сертификат лидеров образования Енисейского района. Школа единственная в районе апробирует программу «Начальная школа XXI века» под редакцией Н. Ф. Виноградовой.

В сентябре 2002 года Подтёсовской средней школе присвоено имя великого русского писателя В. П. Астафьева. Открыт музей писателя. Теперь это центр эстетического развития учащихся всего северного региона нашего Красноярского края. Здесь как реликвию хранят в музее письмо В. П. Астафьева школьникам посёлка Подтёсово.

Школьница из города Лесосибирска Аня Мамонова под впечатлением «Астафьевских встреч» в посёлке Подтёсово позже напишет:

Бабушка, Овсянка, земляника
Да мечта о розовом коне.
Жизнь — как ненаписанная книга,
Как цветок герани на окне.
Манят дали, убегают годы,
Но опять к Шалуньему быку
Возвращает память, плещут воды,
Здесь вся жизнь — на этом берегу.
Родины роднее нет на свете,
Чем дурман черёмух по весне,
Чем простые заповеди эти,
Что шептала бабушка тебе.

По инициативе администрации Енисейского района в День знаний на базе Подтёсовской средней школы теперь проводятся «малые литературные чтения».

Заранее объявляется зональный конкурс, посвящённый литературному наследию В. П. Астафьева. Конкурс задуман для приобщения его участников к ценностям русской культуры на примере творчества великого русского писателя, создания среды творческого общения, развития творческого дарования молодых и воспитания патриотических чувств. Творческое самовыражение представляется в трёх номинациях: «Проба пера», где автор предлагает собственное произведение в любой литературной форме, «Духовные наследники» — сочинения по произведениям Астафьева, «Вдохновение» — рисунок-иллюстрация к произведениям писателя.

Памятны теперь «малые литературные чтения», когда утром во дворе Подтёсовской средней школы, носящей имя В. П. Астафьева, у бюста великого писателя, состоялось чествование победителей первого регионального конкурса «Золотая осень В. П. Астафьева», посвящённого памяти и наследию великого земляка. В нём приняло участие более двухсот школьников из Енисейского, Пировского, Северо-Енисейского, Казачинского районов, из Лесосибирска и Енисейска. Победителями стали двадцать шесть ребят. Призы, поощрительные премии, грамоты, дипломы различных степеней были им вручены известными писателями и поэтами. Диплом первой степени и главный приз конкурса — телевизор вручили выпускнице Подтёсовской средней школы, а теперь студентке вуза Ксении Терсковой.

Её почётными гостями были те, с кем Виктор Петрович работал, общался, дружил. Среди них — глава Енисейского района В. Н. Сидоркин, писатель А. М. Бондаренко, столичный писатель Ф. Р. Штильмарк, редактор московского альманаха «Охотничьи просторы» Надежда Носкова, начальник управления культуры Красноярского края З. Б. Благих, писатель из Красноярска Александр Щербаков, поэт Николай Ерёмин, поэтесса Марина Саввиных, главный хранитель фондов библиотеки-музея В. П. Астафьева Валентина Швецова, заведующая литературным музеем в Красноярске Аделя Броднева.

Открывая конференцию, глава района подчеркнул: «Сегодня мы воплотили мечту Виктора Петровича Астафьева. Вновь на енисейской земле собрались замечательные люди, которых объединяет любовь к его творчеству. Среди них юные дарования, из которых могут вырасти новые поэты, писатели, художники».

Ф. Штильмарк: «Однажды меня поразило глубиной высказывание одного из польских писателей: „Смерть — огромное

событие в жизни писателя". Это очень мудрое суждение, поскольку такой писатель, как Астафьев, бессмертен в своём творчестве. В этом мы убеждаемся сегодня, сейчас. Его произведения показывают молодёжи верный жизненный путь, который он честно прошёл до конца».

А. Щербаков: «Импонирует то, что, взявшись за познание литературы и искусства, вы выбрали такую фигуру, как Астафьев».

З. Благих: «Мы пытаемся найти национальную идею за семью морями. А может быть, она здесь, с нами, в творчестве Астафьева? В своих произведениях писатель учит понимать, видеть малую родину. Это очень важно для наших детей. Важно, чтобы они сами обрели это понимание родной земли, родного края. Астафьев им в этом добрый проводник».

К десятилетию «Встреч в русской провинции» творческая интеллигенция северного региона Красноярского края подготовила и издала альманах «Перезвон», который в своё время благословил В. П. Астафьев.

И все эти добрые дела делаются на земле енисейцев не ради популизма, а ради памяти нашего великого земляка В. П. Астафьева.